

Анотація

Ця стаття присвячена розгляду жанру оповідання у творчості російського письменника Федора Абрамова. Подається короткий аналіз історії розвитку жанру оповідання загалом, зосереджується увага на розвитку цього жанру безпосередньо у ХХ столітті. Також подається аналіз оповідань Ф. Абрамова, де шляхом переконливої мотивації того чи іншого образу розкриваються умови формування персонажів такого рівня

Ключові слова: жанр, оповідання, режим, образ, емоції, контрасти.

Аннотация

В статье рассматривается жанр рассказа в творчестве известного российского писателя-деревенщика Федора Абрамова. Подается краткий анализ истории развития жанра рассказа в целом, сосредотачивается внимание на развитии этого жанра непосредственно в ХХ столетии. Также анализируются рассказы Ф. Абрамова, где путем убедительной мотивации того или иного образа раскрываются условия формирования персонажей такого типа.

Ключевые слова: жанр, рассказ, режим, образ, эмоции, контрасты.

Summary

In the article the genre of story is examined in work of known Russian writer Fedor Abramov. The short analysis of history of development of genre of story is given on the whole, attention is concentrated on development of this genre directly in ХХ century. The stories of F. Abramov are also analysed, where the terms of forming of personages of such type open up by convincing motivation of one or another character.

Key words: genre, story, mode, character, emotions, contrasts.

УДК 821.161.2

Н.В. Подмогильная

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ШЕВЧЕНКИАНЫ

Характерное для филологов уважительное и трепетное отношение к печатному слову, к современным и отстоящим от нас во времени работам специалистов и тех, кто обнаружил неравнодушие к проблемам культурного и литературного развития своей страны, еще раз подтверждено публикацией книги Василия Евграфовича Чешихина-Ветринского «Тарас Григорьевич Шевченко. Очерк жизни и деятельности» [2]. Книгу подготовила к печати, сопроводив комментариями и сведениями о личности В. Е. Чешихина-Ветринского, доктор филологических наук, профессор Е.А. Андрущенко –

известный ученый-литературовед, пожалуй, наиболее авторитетный в Украине специалист по творчеству Д.С. Мережковского. В этом смысле тем более интересно обращение филолога-русиста к вопросам шевченковедения.

В том, что книга Ч. Ветринского – действительно библиографическая редкость, убеждают наши тщетные попытки найти ее следы в фондах научных библиотек или упоминания о ней в работах самых известных и именитых шевченковедов – Е. Кирилюка, В. Бородина, М. Павлюка и др. Не встречается имя Ч. Ветринского и в обстоятельном перечне работ о жизни и творчестве Т.Г. Шевченко, изданных еще в XIX – начале XX века, приводимом в книге П. Зайцева «Життя Тараса Шевченка» [3]. Поэтому вполне можно говорить и о забытости этой работы, и о неожиданном и приятном сюрпризе как для ученых, так и для любителей Шевченковского творчества.

В книжке, о которой идет речь, кроме краткого очерка о жизни и творчестве Шевченко помещены еще и русские переводы некоторых произведений Кобзаря. Всего их восемнадцать, а среди авторов переводов встречаются и хорошо известные имена литераторов и переводчиков, такие, как М. Михайлов (один из первых переводчиков произведений Т.Г. Шевченко на русский язык), Л. Мей, Н. Гербель, И. Белоусов, и мало или совсем неизвестные. Неизвестно, какими критериями руководствовался Ч. Ветринский, отбирая для публикации именно эти переводы. Неизвестно также, были ли эти работы единственными, которыми он располагал, или имелись убедительные мотивы для публикации именно выбранных им. Понятно, что о сколько-нибудь репрезентативной подборке переводов говорить не приходится: произведения выбраны без соблюдения хронологической последовательности их создания, некоторые даны в отрывках.

Как известно, произведения Тараса Шевченко многократно переводились на многие языки: английский, немецкий, французский, чешский, испанский, даже такие экзотические для нас, как китайский и японский; в Дании первым автором очерка о жизни и творчестве Шевченко был известный филолог Георг Брандес [см. подробнее: 8]; но активнее всего с текстами Шевченко работали русские переводчики. Однако несмотря на большое число русских переводов стихотворений и поэм Шевченко переводоведы имели достаточные основания для пессимистического вывода: «Русский «Кобзарь» производит удручающее впечатление [11, с. 166]. И эти слова были сказаны уже тогда, когда в русскую Шевченкиану внесли ощутимый вклад такие мастера перевода, как Н. Ушаков, А. Твардовский, А. Безыменский, Н. Тихонов и другие. В этой связи, имея убедительный повод еще раз обратиться к проблеме русских переводов творчества Т. Шевченко, необходимо учитывать, что делать такую попытку следует только с позиций конкретно-исторических.

Переводчики, чьи работы включены в книгу Ч. Ветринского, разумеется, не могли руководствоваться методологическими принципами, составившими надежный фундамент современной школы художественного перевода. Их цель была много скромнее, но для их времени и актуальнее: дать представление о

творчестве Шевченко, познакомить русскоязычных читателей с его мыслями и поэтикой. В известном смысле эта цель была достигнута, но сильное, мужественное и вместе с тем проникнутое тонким лиризмом слово подверглось существенной трансформации. И уж совсем не приходится говорить о музыкальности – неотъемлемом и характерном свойстве шевченковской лирики, – это качество неоднократно отмечали шевченковеды [см., напр.: 5] как выразительную приметку интонационного строя лирики поэта, ощутить которую в русских переводах, даже современных, к сожалению, случается крайне редко.

Известный теоретик и практик перевода В. Россельс, отлично знающий украинский язык и сам переводивший на русский стихи Т. Шевченко, совершенно прав, подчеркивая: «Важнейшим элементом художественной ткани является ее интонационный строй. Интонация теснейшим образом связана с законами синтаксиса и принятым в языке порядком слов, со смысловым ударением во фразах, с расположением членов предложения, а порой и с их конструкцией. Во всех этих отношениях другие славянские языки, каждый по-своему, *сильно отличаются от русского*. Даже для такого близкого языка, как украинский, каноническое представление грамматистов о якобы одном и том же порядке слов в предложении, что и на русском, неверно, во всяком случае неверно в отношении художественной литературы» [11, с. 158]. Кажущаяся и очевидная близость, даже созвучие двух языков нередко оказываются не просто камнем преткновения, а непреодолимым препятствием в процессе перевода. Наглядной и красноречивой, как нам кажется, иллюстрацией этого утверждения может служить уже первый в подборке Ч. Ветринского перевод Л. Мея – перевод гениальной лирической миниатюры Шевченко «Садок вишневий коло хати...», вещи, безусловно, знакомой любому культурному человеку.

Современная критика перевода крайне редко выбирает в качестве наиболее надежных и безусловных критериев оценки перевода поэтических произведений эквиметрическое или эквилинейное соответствие исходному тексту: действительно, переведенный «размером подлинника» [5] текст еще не гарантирует высокого уровня перевода. Добросовестно сохраненный четырехстопный ямб оригинала в переводе Л. Мея несколько не компенсирует существенных потерь, обнаруживаемых в переводе. Нужно признать, что произведение, о котором мы говорим, до сих пор не имеет достойного русскоязычного аналога, поскольку и в более позднем переводе Н. Ушакова есть ряд недостатков. Для наглядности сравним несколько первых строк.

Перевод Л. Мея:

*Вишневий садик возле хаты,
Жуки над вишнями гудят;
Плуг с нивы пахари тащат.
И, распеваячи девчаты... [2, с. 27].*

Перевод Н. Ушакова:

Вишневыи садик возле хаты;

*Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дівчата...* [13, т. 2, с. 14].

При очевидной близости к исходному тексту выбранных лексических средств все же Н. Ушакову удалось избежать того неудачного решения, которое находим в третьем стихе в переводе Л. Мея, где в глаголе «тащат» ударение в соответствии с ритмикой должно быть перенесено на последний слог.

У Шевченко не раз встречаются слова *дівчата*, *дівча*, *дівчатонька*, даже *дівча* (в русских произведениях – *дева*) [см.: 7], но непонятно какому языку принадлежащее слово *девчаты* – ни разу. В данном случае переводчик не прибег к дискурсивному соотнесению шевченковской лексики, хотя, справедливости ради нужно заметить, неизвестно, в каком объеме он был знаком с творчеством Кобзаря. Оба переводчика сохраняют украинское слово *соловейко*, соответствующее русскому *соловушка*, имеющему гибкую и удобную для ямбического метра структуру, а значит, при известных усилиях слово это могло быть использовано в переводе вместо сугубо украинского, создающего несколько навязчивый оттенок национального колорита.

Но есть в переводе Л. Мея несомненное достоинство, важный момент, ускользнувший от внимания опытного Н. Ушакова: для Шевченко семья – существенный элемент гармоничной картины мира, разумного мироустройства. Л. Мей, в отличие от Н. Ушакова, учитывает этот концепт, что до известной степени приближает его перевод к шевченковской философии. Но и при максимальном лексическом соответствии исходного и производного текстов трудно не заметить исчезновение лирической интонации, о которой сказано выше. К примеру, «Причинна» Т. Шевченко начинается знаменитыми строками «Реве та стогне Дніпр широкий, / Сердитий вітер завива...», и в русском переводе М. Исаковского наблюдается практически полное лексическое соответствие – «Широкий Днепр ревет и стонет, / Сердитый ветер листья рвет...» [13, т. 1, с. 31], – хотя что-то неуловимое, растворенное именно в интонации стихов, пропадает.

Вероятно, «Заповіт» Т. Шевченко относится к самым переводимым произведениям. В подборке Ч. Ветринского это стихотворение дано в переводе Ив. Белоусова – «Завещание». Специалисты в области переводоведения не раз дискутировали о том, как это название лучше передать по-русски – «Завещание» или «Завет» [см.: 4, 6]. Принимая во внимание то обстоятельство, что сам Шевченко эти стихи никак не озаглавил, видимо, при переводе стоит руководствоваться словарными разъяснениями: «*Завіт* – 1. Заповіт, настанова, порада, побажання, дані наступним поколінням або послідовникам; заповідь. 2. Обіцянка» [9, с. 48]. В толковом словаре современного украинского литературного языка читаем: «*Заповідь* – 2. Перен. Суворе правило поведінки, неухильний обов'язок, приказання. *Заповіт* – 1. Офіційний документ, який містить розпорядження певної особи щодо її майна на випадок смерті. 2. Перен. Настанова, наказ, дані послідовникам або нащадкам. 3. Те саме, що *заповідь* 2.»

[1, с. 89]. Еще в одном источнике: «*Заповіт* – завещание, *книжн.* завет. (с. 304). *Zavim* – завет» [10, с. 286]. Сходное толкование слова находим и в словаре Б. Гринченко.

Совершенно очевидно, что в «Завещании» – мы поддерживаем целесообразность выбора именно такого перевода украинского слова «заповіт» в русском тексте – речь идет не о *наследстве* в его, так сказать, материальном выражении, а о *наследии*, о наследовании потомками *духа* великого автора этих стихов, его устремленности к воле, которую когда-нибудь непременно обретет его народ.

Первые строчки «Завещания» в переводе Ив. Белоусова и в переводе А. Твардовского, помещенном в пятитомном русскоязычном собрании сочинений Т.Г. Шевченко, выпущенном в 1960-х гг. под редакцией Ал. Дейча, М. Рыльского и Н. Тихонова, абсолютно тождественны: «Как умру – похороните / На Украине милой...». Но если сопоставить весь текст произведения в переводе Ив. Белоусова с работами переводчиков более позднего времени, следует признать, что Белоусов местами очень точен, ему удалось приблизиться к сокровенной и сакральной глубине шевченковской мысли. Однако вместо безличных форм в оригинале «...Щоб лани широкополі, / І Дніпро, і кручі / Було видно, було чути, / Як реве ревучий» Белоусов предложил форму изложения от первого лица: «Положите так, чтоб видел / Я луга и кручи; / Чтобы слышал, как волнами / Днепр ревет могучий...» [2, с. 68]. Создаваемый таким образом «эффект присутствия» привносит неуместные в данном контексте коннотации, размывая сгущенную лаконичность высказывания, а значит, разрушая и целостность художественного строя произведения.

Переводов «Заповіту» на русский язык уже сделано немало, и они обстоятельно проанализированы в одной из лучших, по нашему мнению, работ, исследующих русскую Шевченкиану, – статье Р. Лубкивского [6], но появляются все новые переводы, косвенно подтверждая неудовлетворительное качество предыдущих [см., напр.: 4].

Закономерен вопрос о целесообразности публикации русских переводов произведений Т. Шевченко, качественный уровень которых оставляет желать много лучшего. Ответ очевиден: ценность этих первых попыток переложения средствами русского языка Шевченковских стихов в том, что эти опыты помогают проследить эволюцию русской Шевченкианы, способствуют более отчетливому пониманию тех успехов и неудач, которые сопровождали переводчиков на пути освоения поэтики Кобзаря в течение многих десятилетий. Быть первым, как известно, всегда много труднее – нет опыта предшественников, не существовало еще такого серьезного критического осмысления сложностей и тонкостей стиля, образности и версификации Шевченко. Миссия этих первых переводчиков была в другом – они явились благородными популяризаторами творчества великого украинского поэта и мыслителя.

Литература

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Перун, 2007. – 1736 с. (с. 89).
2. Ветринский Ч. Тарас Григорьевич Шевченко. Очерк жизни и деятельности. С приложением портрета и избранных прижизненных Шевченка в переводе русских поэтов/ Упор. О.А. Андрущенко. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – 104 с.
3. Зайцев Павло. Життя Тараса Шевченка. – Нью-Йорк – Париж – Мюнхен, 1955 (перевид. Київ: Обереги, 1994). – 456 с.
4. Карабан В. И. Жанрово-поэтические вопросы перевода «Заповіту» Т.Г. Шевченко на русский язык// Теория и практика перевода. Вып. 11. – К.: Вища школа, 1984. – С. 3–10.
5. Ковалевский В. «... Размером подлинника»// Мастерство перевода – 1962. Сборн. – М.: Сов. писатель, 1963. – С. 179–202.
6. Лубкивский Р. «Слово пламенем зажглось...» («Завет» Т.Г. Шевченко в русских переводах)// Мастерство перевода – 1976. Сборн. XI. – М.: Сов. писатель, 1977.
7. Меншиков І. І., Підмогильна Н. В. Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій / Видання друге, доповнене. – К.: ДП «Дирекція ФВД», 2008. – 212 с.
8. Миронов О. Шевченко в Данії// Збірник праць двадцять шостої наукової Шевченківської конференції/ Відп. ред.. Є.П. Кирилюк. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 185–192.
9. Новий тлумачний словник української мови: у 4-х т. / Укладачі В. Яременко, О. Сліпушко. – Т. 2. – К.: Аконтіт, 2000. – 912 с. (с. 48).
10. Новітній українсько-російський словник / за ред. проф.. Пелепейченко Л.М. – Х.: Прапор, 2006. – 1088 с.
11. Россельс Вл. Подспорья и преграды. (Заметки о переводе с близкого языка)// Мастерство перевода – 1962. Сборн. – М.: Сов. писатель, 1963. – С. 151–178.
12. Словарь української мови Бориса Грінченка. – К.: Довіра – УНВЦ «Рідна мова», 1997. – 578 с.
13. Шевченко Тарас. Собр. сочин.: в 5-ти т. / под. ред. Ал. Дейча, М. Рыльского, Н. Тихонова. – Т. 1. – М.: Худож. литер., 1964. – 431 с.; Т. 2. – М.: Худож. литер., 1968. – 504 с.

Анотація

У статті розглядається видана професором Андрущенко О.А. книга Ч. Ветринського «Тарас Григорьевич Шевченко. Очерк жизни и деятельности».

Ключові слова: Тарас Шевченко, російська Шевченкіана, художній переклад, Ч. Ветринський.

Аннотация

В статье рассматривается изданная профессором Андрущенко Е.А. книга Ч. Ветринского «Тарас Григорьевич Шевченко. Очерк жизни и деятельности».

Ключевые слова: Тарас Шевченко, русская Шевченкиана, художественный перевод, Ч. Ветринский.

Summary

The article by professor Andrushchenko E.A. is reviewing the book written by Ch. Vetrinskiy “Taras Grigorievich Shevchenko. Sketch of the life and performance”.

Key words: Taras Shevchenko, Russian Shevchenkiana, literary translation, Ch. Vetrinskiy.

УДК 82-343:82.09

В.А. Сергеева

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Значимость изучения проблемы развития литературной сказки в России в первой трети XIX века не нуждается в специальной аргументации, она очень актуальна и очевидна, т.к. рубеж XVIII-XIX веков и первая четверть XIX в. — время, когда сказка как «новый род сочинений» представлена в России в творчестве многих авторов. Это и «сентиментальные сказки», раскрывавшие «тайную» жизнь человеческого сердца, и художественные открытия романтиков, обратившихся к национальному прошлому. В этот период под определение «сказка» попадали сентиментальные повести, романы, переводные произведения. Истоки этого — еще в риториках середины XVIII в. (в первую очередь, М.В. Ломоносова). Рубеж веков — время осмысления сказки в литературе как сочинения «легкого», построенного на вымысле и в целом противопоставляемого сочинениям историческим, философским и политическим, то есть серьезным. Об этом свидетельствуют не только журнальные и газетные публикации и предисловия, но и различные риторики и учебники по теории словесности. Сказка отнесена к «легкой» словесности, но к началу XIX в. осознается ее ценность: «...с помощью скрытого нравоучения привести в согласие рассудок и страсти, натуру и общество - вот важное дело Сочинителя сказок; вот в каком смысле и самые сказки могут называться школою нравов, а сказочники учителями рода человеческого» [3, с. 43].

Следует отметить, что черты сказки, которые сформировались в литературе того времени (единство нравоописательной и воспитательной функций, универсальность тематики, авантюрно-приключенческий тип